

Крепость, ставшая огородом

Жители Ниена, согласно договору о сдаче крепости, либо ушли к Выборгу, либо растворились среди первых петербуржцев. Как уже сказано выше, сам город прекратил свое существование осенью 1702 г., когда Аполлов его сжег, чтобы не позволить русским зацепиться вблизи цитадели. После занятия крепости армией Петра строения ее были буквально растащены по кирпичику и бревнышку — как только царь решил не усиливать крепость, а строить новую, дома и оборонительные сооружения Ниеншанца пошли в виде материала на строительство первых домов Санкт-Петербурга. Но еще долго в устье Охты возвышались земляные валы бывшей крепости с остатками ее каменных укреплений. При наступлении шведов на Петербург в 1704—1708 гг. их стали взрывать пороховыми зарядами, чтобы сократить линию обороны, не дать шведам возможность использовать Шлотбург как плацдарм для наступления на Петербург. Ведь шведские силы находились поблизости от Шлотбурга, на Выборгской дороге — самом опасном для молодого Петербурга направлении. Уже 18 января 1704 г. первый комендант будущей Петропавловской крепости генерал К. Э. Ренне писал Меншикову: «И тот город (Шлотбург. — Е. А.) розрыт». Но из того же письма следует, что в это время там еще находились какие-то провиантские склады. Ренне пишет, что по 8 января «из Шлотъбурха перевезено [в Петербург] ржи 502, овса 27 четей». ³ Возможно, какие-то складские помещения были не в самой крепости, а там, где находился укрепленный лагерь (шанец) русской армии, пришедшей под Ниеншанц в апреле 1703 г. Датский посланник Юст Юль в своем дневнике писал, что «к шанцу этому, говорят, могли подходить вплотную большие корабли для приема и сдачи груза». В декабре 1709 г. Юль записывает, что от бывшей крепости «уцелела часть вала», на котором Петр испытывал мощные взрывные устройства. Они, по словам Юля, «пробили вал на половину его толщи». ⁴ На рисунке художника Федора Васильева конца 1710-х гг. Шлотбург напоминает бесформенную грудку развалин и земли. ⁵

В 1718 г. по указу Петра I во внутреннем, укрытом от ветров пространстве между валами бывшей крепости был основан плодовый питомник — «Канецкий огород», которым ведал садовник Летнего сада Г. Фохт. Питомник просуществовал до начала XIX в. Позже территория крепости пошла под застройку, ⁶ и все же следы укреплений еще долго —

³ Там же. Л. 22.

⁴ Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709—1711 гг.). М., 1900. С. 189, 104.

⁵ Гаврилова Е. И. «Санкт Питербурх» 1718—1722 годов в натуральных рисунках Федора Васильева // Русское искусство первой четверти XVIII века. Ил. 8.

⁶ Приамурский Г. Г. Санкт-Петербург и судьба Ниеншанца // Шведы на берегах Невы: Сб. ст. Стокгольм, 1998. С. 46—47.

до начала XX в. — можно было заметить в устье Большой Охты. Ныне есть проект увековечить памятным знаком место, на котором стоял Ниеншанц.

Отступление

Неизведанное будущее Ниеншанца

Однажды автору этих строк довелось пожить несколько недель зимой в Голландии, в маленьком городке Нарден, под Амстердамом. Таких городков много в Голландии, Германии, Франции. Тиха и размеренна их жизнь, уютны и безопасны их вечерние улицы, приветливо светятся в темноте вывески редких ресторанов и пивных. Вечером, проходя по улочке, сплошь заставленной автомобилями, невольно отводишь глаза от окон: на нижних этажах домов нет занавесок — никто не прячется, честному горожанину нечего скрывать от людей. Вот он сидит в уютном кресле с трубкой в зубах, читает газету, отсветы огня от камина играют на стенах, на ковре лежит вислоухая добрая собака (у них, в Европе, все собаки почему-то с добрыми физиономиями). На длинном цветастом диване с десятком подушечек примостилась его семья — жена, сын и дочка, смотрят телевизор. Мир спокойный, неведомый...

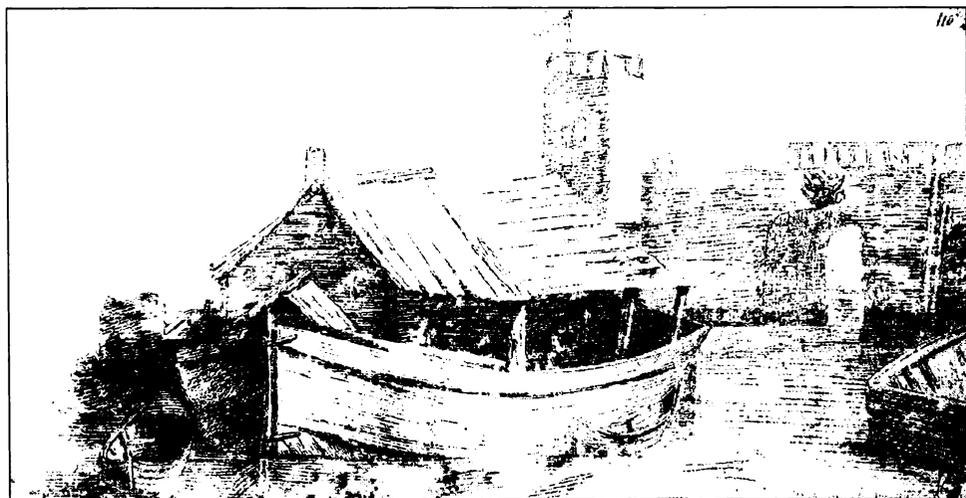
Но Нарден поразил меня не этим. Представьте себе Петропавловскую крепость — башни, фланки, батарды, рavelины, казематы, мосты, а внутри этого каменного кольца «вставлены» не Монетный двор с кирпичной трубой, а узкие улочки старинного средневекового города, в центре — не выложенный грубым булыжником бескрайний плац, а уютная торговая площадь. Она оживает два раза в неделю рано утром, когда со всех концов городка к ней устремляются за провизией и непременно — за цветами хозяйки с корзинками. Рядом — не барочный Петропавловский собор, а могучая церковь периода поздней «пламенеющей» готики, а в теле колокольни еще с XVI в. застряло каменное ядро, посланное осадными пушками войска герцога Альбы.

Нарден занимал важное стратегическое положение на пути к Амстердаму и со времен герцога Альбы повидал разных врагов. В 1813 г. его даже осаждали русские войска под командованием генерала А. Х. Бенкендорфа. Свою роль он сыграл и в последующих войнах. Укрепления постоянно перестраивали, модернизировали, но вобановские универсальные начала прильнувшей к земле крепости сохранились и в последующие века — рavelины, фланки, орильоны, фасы, все, как у нас... Теперь гарнизона уже нет, укрепления разоружены, все заросло травой, иногда приезжают туристские автобусы из Чехии — здесь находится гробница великого чешского просветителя Яна Амоса Коменского. И когда длинная громада автобуса с трудом протиснется по узкой улочке и прогремит по чугунному разводному мосту через канал, опять наступает тишина провинциального городка...

Идя по укреплениям и улочкам Нардена, я думал не о Петропавловской крепости, а о Ниеншанце... Физики говорят о параллельности времени, вариантах истории, которая развивается одновременно по нескольким путям за некими невидимыми, недостижимыми «стенами» пространства и времени. Может быть, там, за этой невидимой стеной, стоит наш Нарден — Ниеншанц. В том времени не было никакого Петра I (с трудом образованный ниеншанец вспомнит: «А, это тот самый взбалмошный русский царь, который в молодости поехал в Голландию и случайно погиб в Саардаме, сунув руку в мельничный механизм»), там шведский король Карл XII послушался своего генерал-инженера и перестроил слабые укрепления Ниеншанца, и крепость успешно отбилась от многих русских осад, а теперь, во время безмятежного мира, наступившего на этой земле, старинный шведский городок тихо

Первоначальный вид
Петропавловской крепости.
Гравюра середины XVIII в.

Трубецкой раскат Петропавловской крепости. Рисунок Ф. А. Васильева. 1719

живет внутри бетонного крепостного кольца и по его уютным провинциальным улицам так хорошо идти вечером из ресторана. Только невольно отводишь глаза от окон: на нижних этажах домов нет занавесок — никто не прячется, честному горожанину нечего скрывать от людей...